

Сказки

Автор:

Оскар Уайльд

Сказки

Оскар Уайльд

Оскар Уайльд – автор не только всемирно известного романа "Портрет Дориана Грея", но и прекрасных сказок, сочетающих богатую фантазию писателя и ироничную манеру повествования. Каждая деталь обладает символическим смыслом, а добро и красота выступают как неразделимое целое.

Оскар Уайльд

Сказки

Счастливый принц

С вершины большой колонны возносилась над городом статуя Счастливого Принца. Он весь был покрыт тончайшими листочками чистого золота, вместо глаз у него сияли два сапфира, а на рукоятке его меча блестел большой красный рубин.

Все восхищались Счастливым Принцем.

– Он так же красив, как петух на флюгере, – изрек один из членов муниципалитета, старавшийся прослыть человеком с изысканным артистическим вкусом. – Конечно, менее полезен, – прибавил он, боясь обвинения в недостатке практичности, что было бы совсем несправедливо.

– Отчего ты не похож на Счастливого Принца? – спрашивала чувствительная мамаша своего крошку сына, который, плача, просил, чтобы ему дали луну. – Счастливому Принцу и в голову бы не пришло капризничать.

– Хорошо, что на свете есть хоть один счастливец, – прошептал гонимый судьбой горемыка, взглянув на чудную статую.

– Он совсем как ангел, – говорили приютские дети, выходя из собора в своих широких красных плащах и чистеньких белых передниках.

– Почем вы знаете? – возразил им учитель математики. – Разве вы видели когда-нибудь ангелов?

– Ах! Они являются нам иногда во сне, – отвечали дети; и математик строго нахмурил брови: он вовсе не одобрял детской привычки видеть сны.

Однажды ночью над городом пролетала маленькая Ласточка. Ее друзья уже шесть недель назад пролетели в Египет; она же осталась, будучи не в силах расстаться с прекрасным Тростником, покоровшим ее сердце. Они познакомились ранней весной. Преследуя над рекой желтого мотылька, Ласточка внезапно остановилась, плененная стройностью Тростника.

– Можно я буду любить вас! – не задумываясь воскликнула она.

И Тростник ответил ей грациозным поклоном.

Тогда Ласточка принялась летать вокруг него, задевая воду своими крыльями и рассыпая серебряные брызги, – такая у нее была манера ухаживать. Так

продолжалось все лето.

– Что за странная привязанность! – щебетали другие ласточки: – У него совсем нет денег и слишком большая родня.

И действительно, вся река заросла тростниками.

А осенью ласточки улетели. После этого наша Ласточка почувствовала одиночество и охладела к своему возлюбленному. «Он совсем не умеет разговаривать, – решила она, – и при этом очень кокетлив, постоянно флиртует с ветром».

И в самом деле, когда бы ни подул ветер, Тростник отвечал ему грациознейшими поклонами. «Я допускаю, что он любит свой дом, – продолжала Ласточка свои рассуждения, – но я-то люблю путешествия, и мой супруг должен иметь к ним склонность».

– Согласны ли вы последовать за мною? – спросила она, наконец, у своего милого, но Тростник покачал головой: он был так крепко привязан к своему дому.

– Стало быть, вы просто играли моей любовью! – вскричала Ласточка. – Прощайте же, я лечу к пирамидам!

И она пустилась в путь.

Целый день она была в дороге и к ночи прилетела в город.

– Где же я переночую? – сказала она. – Надеюсь, что мне здесь устроят достойную встречу.

Тут она увидела статую на высокой колонне.

– Вот где я отдохну! – вскричала она. – Здесь прекрасное место и такой простор!

С этими словами она опустилась как раз к ногам Счастливого Принца.

– Да у меня золотая спальня! – обрадовалась она, оглядевшись вокруг, готовая расположиться ко сну. Но только хотела спрятать голову под крыло, как крупная капля упала на нее.

– Что за странность! – вскричала Ласточка. – На небе ни облачка, звезды ярко блещут, и все-таки идет дождь. Право, на севере Европы отвратительный климат! Мой Тростник любил дождь, однако это было чистейшим эгоизмом...

Но вот упала другая капля.

– Какая же польза от статуи, если она даже не может защищать от дождя? – сказала Ласточка. – Нужно поискать пристанища где-нибудь в трубе на крыше.

И она хотела лететь дальше.

Но прежде чем она успела развернуть крылья, третья капля упала на нее. Она подняла голову – и что же увидела?

Глаза Счастливого Принца были полны слез, они струились по его золотым щекам. И так прекрасно было его лицо, освещенное месяцем, что сердце маленькой Ласточки дрогнуло от жалости.

– Кто ты такой? – спросила она.

– Я Счастливый Принц.

– Почему же ты плачешь? – спросила опять Ласточка. – Ты меня промочил насквозь.

– Когда я был жив и у меня было живое человеческое сердце, – отвечал принц, – я не знал, что такое слезы. Я жил во дворце Sans Souci^[1] – Беззаботности (франц.), куда не дозволено было проникать горю. Днем я играл в саду с моими приближенными, а вечера проводил в танцах в большом зале. Высокая стена окружала сад, и я не старался узнать, что происходило за ней, – всё вокруг меня было так прекрасно! Придворные звали меня Счастливым Принцем, и я действительно был счастлив, если счастье заключается в удовольствиях. Так я жил, так и умер. И теперь, когда меня уже нет в живых, они вознесли меня так

высоко, что я могу видеть все бедствия и всю нищету моего города, и, хотя мое сердце теперь из свинца, я не могу удержаться от слез.

«Значит, он не полностью золотой!» – подумала Ласточка про себя; но она была слишком деликатна, чтобы делать вслух замечания, касающиеся других.

– Там, далеко, – продолжал Принц тихим, музыкальным голосом, – далеко, на маленькой улице стоит бедный домик. Одно из окон его открыто, и я вижу сидящую у стола женщину. У нее усталое, поблекшее лицо, загрубевшие от работы руки, пальцы ее все исколоты иглой – она золотошвейка. Она вышивает к предстоящему балу пышный узор на роскошном платье прекраснейшей из фрейлин королевы. А в углу комнаты в кроватке лежит ее больной сын. Он мечется в жару и требует апельсинов. А мать ничего не может дать ему, кроме простой воды, и потому он плачет. Ласточка, Ласточка, быстрокрылая Ласточка, отнеси ей рубин из моего меча: мои ноги прикреплены к пьедесталу, и я не могу тронуться с места.

– Меня ждут в Египте, – отвечала Ласточка. – Друзья мои, летая вдоль Нила, шепчутся с цветами лотосов. Скоро они полетят к усыпальнице великого фараона. Сам фараон лежит там в своем роскошном гробу. Он обернут в желтые ткани и набальзамирован ароматными травами. На шее у него длинная цепь из бледно-зеленой яшмы, а руки его похожи на поблекшие листья.

– Ласточка, Ласточка, маленькая Ласточка, – сказал Принц. – О, если бы ты осталась здесь на одну только ночь и была бы моим вестником! Ребенок томится жаждой, а мать его так печальна.

– Мне кажется, что я не люблю мальчиков, – отвечала Ласточка. – Прошлым летом, когда я жила на реке, я знала двух мальчиков, сыновей Мельника. Они всегда бросали в меня камнями. Конечно, им не удавалось задеть меня! Мы, ласточки, слишком хорошо летаем, и кроме того, мои предки славились ловкостью, но все же это было непочтительно с их стороны.

Но Счастливый Принц смотрел так печально, что Ласточке стало жаль его.

– Здесь очень холодно, – сказала она, – но я проведу с тобой одну ночь и исполню твое поручение.

– Благодарю тебя, милая птичка, – сказал Принц.

И вот Ласточка выклевала большой рубин из меча принца и, держа его в клюве, полетела над крышами города.

Она миновала соборную колокольню, украшенную белыми мраморными ангелами; пролетела перед дворцом, откуда доносились звуки бальной музыки. Прекрасная девушка вышла на балкон в сопровождении своего поклонника.

– Как чудны звезды и как велико могущество любви! – сказал он ей.

– Надеюсь, что мое платье будет готово к большому балу, – отвечала она, – я велела на нем вышить крестовник, но золотошвейки так ленивы.

Ласточка перелетела через реку и заметила фонари на высоких мачтах судов. В гетто она видела старых евреев, взвешивавших монеты на чашках медных весов. Достигнув бедного домика, она заглянула в него; мальчик в лихорадке метался в своей постельке, а мать заснула, уронив голову на руки: бедная так устала. Мигом влетела Ласточка в комнату и положила большой рубин на стол, рядом с наперстком швеи.

Затем она несколько раз облетела вокруг кроватки, обмахивая своими крылышками горячий лобик ребенка.

– Как мне стало хорошо, – сказал мальчик, – должно быть, я скоро поправлюсь. – И он сладко заснул.

Тогда Ласточка вернулась к Счастливому Принцу и обо всем рассказала ему:

– И странно, – заключила она свой рассказ, – мне теперь очень тепло, хотя на дворе стоит стужа.

– Это потому, что ты сделала доброе дело, – сказал Принц. И маленькая Ласточка задумалась над этим, но скоро заснула: размышления всегда нагоняли на нее сон.

На рассвете она полетела к реке и стала купаться.

– Что за странное явление, – сказал профессор орнитологии, проходивший по мосту, – купающаяся ласточка зимой!

И он написал об этом длинное сообщение в местной газете. Всякий считал нужным цитировать его, несмотря на то, что оно изобиловало учеными словами, для большинства совсем непонятными.

«Сегодня я лечу в Египет», – решила Ласточка, и эта мысль привела ее в прекрасное расположение духа. Весь день она посвятила осмотру города и долго отдыхала на шпиге колокольни. Всюду, куда бы она ни прилетела, воробьи чирикали друг другу: «Какой знатный иностранец!» – что немало ей льстило.

Когда взошла луна, Ласточка снова вернулась к Счастливому Принцу.

– Нет ли у тебя поручений в Египет? – спросила она. – Я сейчас собираюсь в путь.

– Ласточка, милая Ласточка, – сказал Принц, – не останешься ли ты еще на одну ночь?

– Но меня ждут в Египте, – отвечала Ласточка, – завтра друзья мои улетают на пороги Нила. Там в густых зарослях камыша дремлют гиппопотамы и на высоком гранитном троне восседает бог Мемнон. Всю ночь глядит он на небо, когда же появится утренняя звезда, он приветствует ее радостным криком... и вновь умолкает. Желтые львы там собираются в полдень на водопой. Глаза их подобны зеленым бериллам, а рев заглушает шум водопада.

– Ласточка, Ласточка! – взмолился опять Принц. – Там, в отдалении, я вижу юношу в мансарде. Он склонился над столом, покрытым бумагами; а рядом с ним в большом стакане стоит букет увядших фиалок. У него темные вьющиеся волосы, яркие губы, а взор его исполнен задумчивости. Он торопится кончить

пьесу для директора театра, но ему слишком холодно, руки его окоченели: в камине давно потух огонь, и он вот-вот лишится чувств от голода.

– Хорошо, я пробуду здесь еще одну ночь, – сказала Ласточка, у которой действительно было доброе сердце. – Отнести ему другой рубин?

– Увы! У меня больше нет рубинов, – отвечал Счастливый Принц, – у меня остались только глаза. Они сделаны из редких сапфиров, вывезенных из Индии тысячу лет назад. Выключи один из них и отнеси ему.

Он продаст камень ювелиру, купит себе еды и дров и закончит свою пьесу.

– Дорогой Принц, – сказала Ласточка и заплакала, – я не могу сделать этого.

– Ласточка, Ласточка, исполни мою просьбу, – настаивал Принц.

И Ласточка, выклевав сапфир, полетела к жилищу юноши. В крыше было отверстие, и проникнуть в комнату было не трудно. Молодой человек обхватил голову руками и не слышал шелеста ее крыльев; а когда он поднял голову, то увидел великолепный сапфир, лежащий на увядших фиалках.

– У меня появляются почитатели! – вскричал он. – Это, наверное, от одного из них! Теперь я могу закончить мою пьесу! – И он почувствовал себя совершенно счастливым.

На следующий день Ласточка полетела в гавань. Усевшись на высокую мачту большого корабля, она смотрела, как матросы таскали на веревках тяжелые ящики из трюма.

– Навались! – кричали они каждый раз, когда новый ящик показывался в отверстии люка.

– Я лечу в Египет! – щебетала Ласточка. Но никто на нее не обращал внимания, и когда взошла луна, она вновь возвратилась к Счастливому Принцу.

– Я прилетела проститься с тобой! – воскликнула она.

– Ласточка, Ласточка, побудь еще со мной!

– Теперь зима, – отвечала Ласточка, – и скоро холодный снег покроет город. В Египте теплое солнце освещает пальмовые деревья и крокодилы, лежа в тине, лениво глядят по сторонам. Мои товарки уже строят гнезда в Баальбекском храме, а розовые и белые голуби, воркуя, наблюдают за ними. Милый Принц, я должна тебя покинуть, но я никогда не забуду тебя, а будущей весной я принесу тебе два прекрасных камня взамен отданных тобою. Тот рубин будет краснее пунцовой розы, а сапфир синевой превзойдет голубое море.

– В саду, на дорожке, – сказал Счастливый Принц, – стоит маленькая продавщица спичек. Она уронила свой товар в канаву, и все ее спички испортились. Отец прибьет ее, если она не принесет домой хоть немного денег, и вот она плачет. Она без башмаков и без чулок, и голова ее непокрыта. Выключи другой мой глаз и отдай ей его, тогда отец не побьет ее.

– Я останусь здесь еще на одну ночь, – сказала Ласточка, – но я не могу выклевывать твой глаз: тогда ты совсем не будешь видеть.

– Сделай, как я прошу, маленькая Ласточка, – отвечал Принц.

Она послушалась и устремилась с сапфиром вниз. Пролетев мимо девочки, она сунула камень ей в руку.

– Какое красивое стеклышко! – воскликнула девочка и, смеясь, побежала домой.

Возвратившись к Принцу, Ласточка сказала ему:

– Вот теперь ты ослеп, поэтому я остаюсь с тобой навсегда.

– Нет, маленькая птичка, – отвечал несчастный Принц, – ты должна лететь в Египет.

– Я навсегда останусь с тобой, – повторила Ласточка и уснула у его ног.

Весь следующий день, сидя на плече у Принца, она рассказывала ему обо всем, что ей пришлось увидеть в далеких чужих краях. Она говорила ему о розовых

ибисах, которые, стоя длинными рядами на отмелях Нила, ловят золотую рыбу острыми клювами; о Сфинксе, который так же стар, как сам мир, живет в пустыне и все знает; о купцах с янтарными четками в руках, медленно следующих за своими верблюдами; о короле Лунных Гор, черном, как черное дерево, и поклоняющемся большому осколку хрусталя; о большом Зеленом Змее, спящем на пальмовом дереве, – двадцать жрецов кормят его медовыми лепешками; и о пигмеях, которые на широких плоских листьях плавают по большому озеру и сражаются с бабочками.

– Милая Ласточка, – сказал Счастливый Принц, – ты рассказываешь мне о поразительных вещах, но ничто не поражает так, как людские страдания. Нет горя большего, чем нищета. Облети мой город, Ласточка, и потом расскажи мне, что ты там видела.

И Ласточка полетела. Она видела, как богатые веселились в своих великолепных домах, в то время как нищие сидели у их ворот. Она летела по темным переулкам и видела бледные лица голодных детей, грустно выглядывавших на темную улицу. Под аркой моста два маленьких мальчика лежали обнявшись, стараясь согреть друг друга.

– Как хочется есть! – жаловались они.

– Не смей здесь лежать! – крикнул на них полицейский, и они побрели под дождем дальше.

Тогда Ласточка возвратилась и рассказала обо всем Принцу.

– Я покрыт тонким золотом, – сказал Принц, – сними его с меня листок за листком и раздай беднякам. Люди всегда думают, что золото может сделать их счастливыми.

Листок за листком снимала Ласточка со Счастливого Принца, пока он не стал совсем тусклым и серым. Листок за листком носила она беднякам, и много детских щечек порозовело, и дети веселее играли на улицах.

– У нас теперь есть хлеб! – рассказывали они друг другу.

Но вот выпал снег, а за ним пришли морозы. Улицы засеребрились и стали очень красивы; с карнизов крыш, точно хрустальные кинжалики, нависли длинные сосульки; все надели шубы, и, одетые в красное, резвые мальчишки стали кататься по льду.

Бедной маленькой Ласточке становилось все холоднее, но она не покидала Принца – она слишком любила его. Она украдкой клевала крошки у дверей булочника и старалась согреться, хлопая крылышками. Но наконец она почувствовала, что час ее близок. В последний раз взлетела она на плечо Принца.

– Прощай, милый Принц, – прошептала она. – Позволь мне поцеловать твою руку.

– Я рад, что ты наконец летишь в Египет, маленькая Ласточка, – сказал Принц, – ты слишком долго оставалась здесь; но поцелуй меня в губы, потому что я люблю тебя.

– Я не в Египет, – сказала Ласточка, – я улетаю в Царство Смерти. Смерть и Сон – родные братья, не правда ли? – И, поцеловав принца в губы, она упала мертвая к его ногам.

В этот самый миг странный треск послышался внутри статуи, будто что-то разбилось: это свинцовое сердце расколосось надвое – должно быть, мороз был слишком силен.

На другой день рано мэр в сопровождении члена городского совета гулял внизу в сквере. Проходя мимо колонны, он взглянул вверх на статую.

– Боже мой, каким ободренным и жалким выглядит наш Счастливый Принц, – сказал он.

– Какой жалкий, в самом деле! – вскричал член совета, всегда бывший верным эхом мэра.

И они приблизились, чтобы лучше рассмотреть статую.

– Рубин выпал из его меча, глаза также исчезли, и на нем нет больше золота, – сказал мэр. – Право, он немногим лучше нищего!

– Немногим лучше нищего, – отозвался советник.

– А в ногах у него мертвая птица, – продолжал мэр. – Право, нам следует издать распоряжение: птицам здесь умирать воспрещается!

И городской секретарь составил объявление соответствующего содержания.

Потом они решили снять статую Счастливого Принца.

– В нем нет больше красоты, а потому нет и пользы, – сказал университетский профессор эстетики.

Статую расплавили в большой печке, и по почину мэра был созван городской совет, чтобы решить, что сделать из этого металла.

– Конечно, мы должны поставить другую статую, – сказал мэр, – и это будет мой собственный бюст.

– Нет, мой, – возражал каждый член совета, и они заспорили.

Когда я в последний раз слышал о них, они все еще продолжали спорить.

– Удивительно! – сказал главный литейщик. – Это расколовшееся свинцовое сердце не хочет плавиться в печке. Надо его выбросить! – И они бросили его в грудку мусора, где лежала также и мертвая Ласточка.

– Принеси мне самое ценное, что есть в этом городе, – сказал Господь одному из ангелов; и ангел принес свинцовое сердце и мертвую птицу.

– Твой выбор верен, – сказал Бог, – ибо отныне в Моих райских садах всегда будет щебетать эта птичка, а Счастливый Принц всегда будет воздавать Мне хвалу в Моих сияющих чертогах.

Великан-эгоист

Каждый день после полудня, когда кончались уроки в школе, дети приходили играть в сад Великана.

Это был прекрасный большой сад, густо заросший мягкой травой. Там и сям в траве, точно звезды, мелькали цветы, и двенадцать персиковых деревьев возвышались среди зелени лужаек. Весной все они одевались нежными белыми и розовыми цветами, а осенью приносили обильные плоды. Птицы ютились среди их ветвей и пели так сладко, что дети прерывали свои игры, чтобы их послушать.

– Как хорошо здесь! – говорили они друг другу.

Но вот настал день, когда Великан вернулся домой. Целых семь лет провел он в гостях у своего друга, корнуэльского людоеда. По прошествии этого времени темы их разговоров истощились – они сказали все, что хотели сказать друг другу, и Великан решил возвратиться в свой собственный замок. Первое, что он увидел дома, были дети, играющие в его саду.

– Что вы тут делаете? – закричал он на них грубым голосом, и дети испуганно бросились врассыпную.

– Это мой сад, он мне принадлежит, – сказал Великан, – кажется, это должно бы быть всем понятно, и никто, кроме меня, не смеет играть в нем.

И вот он обнес сад высокой стеной с такой надписью: «Нарушители права собственности будут преследоваться по закону». Великан был большим эгоистом.

С тех пор бедным детям негде было играть. Они пробовали играть на дороге, но она была покрыта пылью и острыми камнями и не понравилась им. После

окончания своих уроков они часто бродили вдоль высокой стены и вспоминали про чудный сад.

– Как мы были тогда счастливы! – грустно говорили они.

Настала весна, и вся окрестность украсилась пестрыми цветами, ее оживили маленькие птички. Только в саду жестокосердного Великана еще царила зима. Птицы не захотели распевать там свои песни, так как в нем не видно было детей, а деревья не решались цвести. Однажды хорошенький цветочек высунул из травы свою головку, но, увидев жестокую надпись на стене, преисполнился обидой за детей, спрятался опять в землю и снова заснул. Единственными ценителями распоряжения Великана были снег и мороз.

– Весна позабыла этот сад, – радовались они, – зато мы будем жить здесь круглый год.

Снег накрыл всю траву своим белым покрывалом, а мороз одел серебряным инеем все деревья. Они пригласили в гости северный ветер, и тот не замедлил явиться.

Он весь был укутан мехами и целыми днями завывал по саду, срывая колпаки с печных труб на крыше.

– Это прекрасное местечко, – сказал он, – позовите и град к себе в гости.

И град явился. Каждый день в продолжение трех часов барабанил он по крыше замка, пока не перебил на ней почти всю черепицу, а затем, что было мочи, начинал кружиться по саду. Он был одет в серые одежды, а дыхание его было ледяным.

– Я не могу понять, почему это весна так запоздала, – говорил Великан-эгоист, сидя у окна и глядя на свой холодный побелевший сад. – Надеюсь, что погода скоро изменится.

Но ни весна, ни лето не приходили. Осень принесла с собой золотые плоды во все сады, кроме сада Великана.

– Он слишком большой эгоист, – сказала она.

И в саду Великана всегда стояла зима, и северный ветер, град и мороз водили хороводы.

Однажды утром только что проснувшийся Великан, лежа в своей постели, услышал какую-то чудную музыку. Она так сладко ласкала его ухо. «То королевские музыканты, верно, проходят мимо», – подумал он. На самом же деле это маленькая коноплянка запела под его окном, но он так давно не слышал пения птиц в своем саду, что оно показалось ему теперь лучшей музыкой в мире. Потом град приостановил свой танец над его головой, ветер прервал свои завывания, а через открытое окно до него донесся нежный аромат.

– Кажется, весна наконец настала, – сказал Великан и, вскочив с кровати, выглянул в окно.

И что же он увидел?

Ему представилась чудная картина. Через небольшое отверстие в стене дети пробрались в сад и теперь сидели на ветвях деревьев. На каждом дереве, которое он мог видеть, сидело по маленькому существу. А деревья так обрадовались возвращению детей, что мгновенно покрылись цветами и приветливо кивали ветвями над головками своих гостей. Птицы весело летали и восторженно щебетали, а цветы ласково улыбались из травы. Это было дивное зрелище. Только в одном уголке стояла еще зима. То был самый отдаленный уголок сада. Там стоял маленький мальчик; он не мог дотянуться до ветвей дерева и, горько плача, озираясь по сторонам. Бедное дерево все еще было покрыто инеем и снегом, а ветер, завывая, метался над ним.

– Карабкайся, малютка! – говорило дерево, низко нагибая к нему свои ветви; но мальчик был слишком мал.

И сердце Великана вдруг растаяло.

– Каким я был эгоистом! – сказал он. – Теперь я понимаю, почему весна не заглядывала сюда. Я посажу этого бедняжку на верхушку дерева, я разрушу стену, и сад мой навсегда делается местом детских игр.

Он на самом деле раскаивался в том, что делал до сих пор.

И вот он спустился по лестнице, бесшумно отворил дверь и вышел в сад. Завидев его, дети испугались и бросились бежать, и в сад снова пришла зима. Лишь маленький мальчик остался на месте: глаза его были полны слез, и он не заметил подходившего Великана. А Великан тихо подошел к нему и, осторожно взяв его на руки, посадил на дерево. И дерево вдруг зацвело, птички с пением слетелись к нему, а маленький мальчик протянул свои ручки и, обхватив ими шею Великана, поцеловал его. Другие дети, увидев, что Великан больше не сердится, прибежали обратно, а с ними вернулась и весна.

– Теперь этот сад ваш, дети! – сказал Великан и, взяв большую кирку, разрушил стену. А проходившие на рынок в полдень люди видели, как Великан забавлялся с детьми в этом чудеснейшем из садов.

Целый день играли дети, а вечером пришли к Великану проститься.

– Но где же ваш маленький товарищ, – спросил он их, – мальчик, которого я посадил на дерево? – За тот поцелуй Великану он особенно пришелся по душе.

– Не знаем, – отвечали дети, – он ушел.

– Скажите ему, чтобы он не боялся и обязательно пришел сюда завтра, – сказал Великан.

Но дети ответили, что не знают, где он живет, и прежде никогда его не видали. И печаль овладела Великаном.

Каждый день после школы дети приходили играть с Великаном. Только мальчик, так полюбившийся ему, никогда не появлялся. Великан был добр ко всем детям, но тосковал о своем первом маленьком друге и часто, вспоминая его, говорил:

– Как бы мне хотелось снова его увидеть!

Прошли годы, Великан состарился и одряхлел. Он больше не мог играть, но, сидя в громадном кресле, наблюдал за детьми и любовался своим садом.

– У меня много прекрасных цветов, – говорил он, – но дети прекраснее их.

Однажды зимним утром, одеваясь, он выглянул из своего окошка.

Теперь уже зима не была ему так ненавистна: он знал, что весна просто уснула, а цветы отдыхают.

Вдруг, удивленный, он широко раскрыл глаза. В самом дальнем углу сада стояло дерево, всё в нежных белых цветах.

С золотых ветвей его свешивались серебряные плоды, а под ним стоял маленький мальчик, которого так любил Великан.

Охваченный радостью, Великан побежал в сад и бросился к ребенку. Но, подойдя к нему, он весь побагровел от гнева и вскричал:

– Кто посмел тебя ранить?

Ладони ребенка были пробиты гвоздями; такие же раны виднелись на его маленьких ножках.

– Кто же посмел тебя ранить? – кричал Великан. – Скажи мне, я возьму свой большой меч и изрублю его.

– Нет! – отвечало дитя. – Ведь это раны любви.

– Кто ты? – спросил Великан; странное благоговение наполнило его душу, и он преклонил колени пред ребенком.

А дитя улыбнулось Великану и сказало:

– Однажды ты позволил мне играть в твоём саду; сегодня ты пойдешь со мной в мой сад, который называется Раем.

Пришедшие в этот день дети нашли Великана мертвым под цветущим деревом.

Преданный друг

В одно прекрасное утро большая Водяная Крыса высунула голову из своей норки. У нее были круглые, как бусины, глаза и жесткие серые усы, а длинный хвост напоминал черный резиновый шнур. Маленькие, желтые, похожие на канареек, утята плавали по пруду, а их мать, белая, с ярко-красными лапками, старалась научить их держаться на воде вниз головой.

– Вы никогда не будете приняты в лучшем обществе, если не научитесь стоять на голове, – повторяла она и время от времени показывала, как это делается. Но утята не обращали на нее внимания. Они были еще так юны, что совсем не понимали, что значит лучшее общество.

– Какие непослушные дети, – вскричала Водяная Крыса, – их, право, следует утопить!

– Вовсе нет, – отвечала Утка, – всякое начало трудно, и родители должны быть терпеливы!

– Ах, я не имею понятия о родительских чувствах, – сказала Водяная Крыса. – У меня нет семьи. Я никогда не была замужем, да и совсем не собираюсь этого делать. Любовь, конечно, имеет свои хорошие стороны, но дружба – куда выше. В самом деле, ничего нет благороднее и возвышеннее бескорыстной дружбы!

– А не будете ли вы так добры сказать, каковы, по-вашему, обязанности преданного друга? – спросила зеленая Коноплянка, сидевшая неподалеку на иве и слышавшая разговор.

– Да и я бы тоже хотела это знать, – сказала Утка и, направившись в другой конец пруда, стала там на голову, чтобы еще раз показать детям хороший пример.

– Какой глупый вопрос! – вскричала Крыса. – Я, конечно, ожидаю от моего преданного друга, чтобы он был мне предан!

– А чем бы вы ему ответили? – спросила снова птичка, раскачиваясь на серебристой ветке и хлопая маленькими крылышками.

– Я вас не понимаю, – отвечала Крыса.

– Позвольте мне рассказать вам историю по этому поводу, – предложила Коноплянка.

– Не обо мне ли? – спросила Крыса. – Тогда я буду слушать; я очень люблю быть героиней.

– Она может и вас касаться, – ответила Коноплянка и, слетев вниз, села на скамейку и принялась рассказывать о преданном друге.

– Однажды, – так начала она, – жил-был маленький честный мальчуган, звали его Гансом.

– Он был выдающейся личностью? – спросила Крыса.

– Нет, – отвечала Коноплянка, – в нем не было ничего особенного, кроме доброго сердца и смешного, круглого и добродушного лица. Он жил в маленькой хижине, совершенно один, и ежедневно работал у себя саду. И во всей округе не было сада лучше, чем у него. Там росла турецкая гвоздика и левкой, пастушья сумка и французский бальзам. Были там и пышные розы, красные и желтые, лиловые крокусы и голубые фиалки. Лилия и сердечник, майоран и васильки, первоцвет и ирисы, нарцисс и розовая гвоздика цвели в изобилии в продолжение многих месяцев; один цветок сменялся другим, радуя глаз и наполняя весь сад нежным ароматом.

У Маленького Ганса было много друзей, но самым преданным из всех был Мельник Гуго. И правда, богатый Мельник был так предан Маленькому Гансу, что никогда не забывал, проходя мимо его сада, перегнувшись через изгородь, нарвать букет цветов или захватить охапку душистых трав; а когда поспевали фрукты – наполнить свои карманы вишнями и сливами.

– Настоящие друзья должны всем делиться, – говаривал Мельник, а Маленький Ганс кивал головой и улыбался, гордясь, что у него есть друг с такими благородными взглядами.

Соседи же иногда удивлялись, что богатый Мельник никогда ничем не благодарил Ганса, хотя сотни мешков муки были сложены про запас в его мельнице, а на полях паслись шесть молочных коров и большое стадо длинношерстных овец. Но Ганс никогда не задумывался над этим и испытывал величайшее наслаждение, выслушивая красноречивые рассуждения Мельника о бескорыстной и верной дружбе.

Так Маленький Ганс работал в своем саду. Весной, летом и осенью он бывал вполне счастлив; но когда наступала зима и ему нечего было больше продавать на рынке – ни цветов, ни фруктов, то он сильно страдал от холода и голода и нередко ложился в постель, поужинав лишь несколькими сушеными грушами или твердыми орехами. Притом зимой он был так одинок, ведь Мельник не приходил навещать его.

– Мне совсем незачем идти к Маленькому Гансу, пока снег покрывает землю, – говорил Мельник своей жене. – Ведь когда люди терпят нужду, их следует предоставлять самим себе, посетители не должны докучать им. Таков мой взгляд на дружбу, и я не сомневаюсь в том, что прав. Вот я подожду прихода весны и тогда уж навещу Ганса; тогда ему можно будет подарить мне корзину первоцвета, что доставит мальчику большую радость.

– Ты всегда очень заботишься о других, – отвечала ему жена, сидевшая в удобном большом кресле перед приветливо пылавшим в камине огнем, – право, ты очень заботлив. Слушать твои рассуждения о дружбе – чистое наслаждение! Я уверена, что даже священник не мог бы говорить так хорошо, несмотря на то что он живет в трехэтажном доме и носит золотое кольцо на мизинце.

– А нельзя ли позвать Маленького Ганса сюда? – спросил младший сын Мельника. – Если бедному Гансу плохо живется, я отдам ему половину моего супа и покажу ему моих белых кроликов.

– Глупый мальчишка! – вскричал Мельник. – Я не понимаю, какая польза в том, что ты ходишь в школу. Ты, по-видимому, ничему там не выучишься! Да ведь если Маленький Ганс придет сюда и увидит наш пылающий камин, хороший

ужин и большие бочки славного красного вина, он, чего доброго, может позавидовать нам, а зависть – ужасное чувство и может испортить всякого. Я же, конечно, не допущу, чтобы Ганс стал хуже. Я его лучший друг и всегда буду следить за тем, чтобы уберечь его от всяких искушений. Кроме того, если бы Ганс пришел сюда, он бы мог попросить у меня в долг муки, а на это я никак не могу согласиться. Мука – одно, а дружба – другое, смешивать эти две вещи не следует. Эти слова и пишутся по-разному, и имеют совершенно разный смысл – кажется, это ясно всякому!

– Как прекрасно ты говоришь, – заметила жена Мельника, выпивая залпом большой стакан подогретого эля. – На меня даже нападает дремота: совсем как в церкви!

– Многие люди хорошо поступают, – отвечал Мельник, – но очень немногие хорошо говорят; это значит, что говорить гораздо труднее, чем действовать, и что слова более ценны, чем дело, – и он сурово посмотрел через стол на своего маленького сына, который почувствовал себя совершенно пристыженным, опустил голову, покраснел и начал ронять слезы в чай. Но, вспомнив, что он был еще так мал, вы, наверное, простите его...

– И это конец истории? – спросила Водяная Крыса.

– Конечно, нет, – отвечала Коноплянка, – это только начало.

– В таком случае, вы совсем отстали от века, – заявила Водяная Крыса. – Всякий хороший рассказчик теперь начинает с конца, потом переходит к началу и заканчивает серединой. Это новая метода. Я слышала об этом от одного критика, который недавно гулял здесь вокруг пруда с каким-то молодым человеком. Он очень много распространялся по этому поводу и должен быть прав уже потому, что у него были синие очки и плешивая голова, и на всякое замечание юноши он презрительно замечал: «Глупости!» Но, пожалуйста, продолжайте ваш рассказ. Мне чрезвычайно нравится Мельник. Я сама преисполнена высоких чувств и очень ему симпатизирую.

– Хорошо, – сказала Коноплянка, прыгая с ноги на ногу. – Как только прошла зима и первоцвет начал развертывать свои бледно-желтые звездочки, Мельник объявил своей жене, что пойдет навестить Маленького Ганса.

– Ах, какое у тебя чудное сердце! – вскричала жена. – Ты всегда думаешь о других. Смотри не забудь взять большую корзинку для цветов.

И вот Мельник, закрепив крылья своей мельницы крепкой железной цепью, с корзинкой в руке спустился с холма в долину.

– Здравствуй, Маленький Ганс, – сказал он.

– Здравствуйте, – отвечал Ганс, нагнувшись над своей лопатой и широко улыбаясь.

– Ну как ты провел зиму?

– Вы очень добры, что спрашиваете об этом, – воскликнул Ганс, – мне подчас приходилось тяжело, но теперь, когда пришла весна, я снова счастлив, да и мои цветочки тоже.

– Зимой мы часто вспоминали о тебе, Ганс, и думали о том, как ты поживаешь.

– Вы очень добры, – повторил Ганс, – а я уже думал, что вы совсем забыли меня.

– Ганс, ты меня удивляешь, – сказал Мельник, – друзей не забывают. В этом и состоит прелесть дружбы; но я боюсь, что ты никогда не поймешь поэтической стороны жизни. Кстати, как хорош твой первоцвет.

– Да, он действительно красив, – согласился Ганс, – и как хорошо, что его у меня много. Я отнесу эти цветы на рынок и продам дочери бургомистра, а на вырученные деньги выкуплю свою тачку.

– Выкупишь тачку? Кажется, ты хочешь сказать, что заложил свою? Неужели ты сделал такую глупость?

– Дело в том, что мне пришлось это сделать. Видите ли, эта зима была очень тяжелая для меня, и у меня совсем не было денег, чтобы купить хлеба. Поэтому я сначала заложил серебряные пуговицы от моей праздничной куртки, потом мою серебряную цепочку, потом большую трубку и, наконец, мою тачку. Но теперь я все это снова выкупаю.

– Ганс, – сказал Мельник, – я дам тебе свою тачку; она не совсем исправна – один борт сломан и со спицами тоже что-то неладно; но все-таки я дам ее тебе. Я знаю, что это чрезвычайно великодушно с моей стороны, и многие назвали бы меня безумным за то, что я отдаю ее, но я не таков, как другие. Я думаю, что великодушные – это основа дружбы, и, кроме того, я купил себе новую тачку. Ты можешь быть спокоен: я дам тебе мою тачку.

– Право, это очень великодушно с вашей стороны, – сказал Маленький Ганс, и его забавное круглое лицо засияло от удовольствия. – Я могу легко починить ее, у меня как раз есть доска!

– Доска? – обрадовался Мельник. – А мне как раз нужна доска для крыши моей риги. В ней образовалась большая дыра, и все зерно отсыреет, если я не заделаю ее. Как кстати ты упомянул о доске! Замечательно, право: одно доброе дело сейчас же порождает другое. Я дам тебе тачку, а ты мне отдашь свою доску. Конечно, тачка стоит гораздо дороже, чем доска, но истинная дружба никогда не считается с такими пустяками. Пожалуйста, найди твою доску, и я сегодня же починю свою ригу.

– Конечно! – И Маленький Ганс побежал в сарай и притащил доску.

– Э, да она не очень велика, – сказал Мельник, взглянув на нее, – я боюсь, что после починки моей крыши тебе ничего не останется для ремонта тачки; но, конечно, это не моя вина. Ну а теперь, когда я обещал тебе тачку, ты, наверное, дашь мне цветов. Вот корзинка, смотри, наполни ее доверху.

– Доверху? – немного опечалился Маленький Ганс. Корзина была очень велика, и он знал, что если наполнит ее доверху, то у него не останется цветов для продажи, а ему так хотелось вернуть свои серебряные пуговицы!

– Право, – продолжал Мельник, – мне кажется, что за тачку я могу попросить у тебя немного цветов. Может быть, я ошибаюсь, но я думаю, что дружба,

истинная дружба совершенно свободна от какого бы то ни было эгоизма.

– Мой дорогой друг, мой лучший друг! – воскликнул Ганс. – Я с радостью отдам вам все цветы моего сада. Я предпочитаю лучше заслужить ваше одобрение, чем вернуть свои серебряные пуговицы. – И, срезав все свои красивые цветы, он уложил их в корзину Мельника.

– Прощай, Маленький Ганс, – небрежно проронил Мельник, поднимаясь на гору с доской на плече и корзинкой цветов в руках.

– Прощайте! – крикнул Ганс и весело продолжил копать землю: он был так рад тачке.

На другой день Ганс, занятый подвязкой жимолости, услышал голос Мельника, зовущий его с дороги. Поспешно спрыгнув с лестницы, мальчик бросился в конец сада и перегнулся через забор.

Там стоял Мельник с большим мешком муки на спине.

– Милый Маленький Ганс, – сказал он, – не снесешь ли ты вместо меня этот мешок на рынок?

– О, мне очень жаль, – отвечал Ганс, – но я занят сегодня. Мне надо подвязать все мои вьющиеся растения, полить все мои цветы и выполоть траву.

– Однако, – возразил Мельник, – после того, как я обещал тебе свою тачку, ты поступаешь не по-дружески, отказывая мне.

– О, не говорите так! Я ни за что не соглашусь поступить не по-дружески. – И, быстро надев шапку, Маленький Ганс уже шагал к городу с большим мешком на плечах.

День был очень жаркий, дорога покрыта пылью и, прежде чем Ганс успел достигнуть шестой мили, он почувствовал сильную усталость и должен был сесть отдохнуть. Как бы то ни было, он храбро продолжил путь и наконец пришел на рынок. Спустя некоторое время мальчику удалось продать муку за очень хорошую цену, и он немедленно отправился домой, опасаясь встречи с

разбойниками, если бы подождал до вечера.

«Сегодня был трудный день, – подумал Ганс, ложась в постель, – но я рад, что не отказал Мельнику, потому что он мой лучший друг и, кроме того, он подарит мне свою тачку».

На другой день рано утром Мельник пришел за деньгами, но Маленький Ганс, утомившийся накануне, еще лежал в постели.

– Честное слово, ты очень ленив, – заявил Мельник. – Право, помня, что я дал тебе свою тачку, ты мог бы работать усерднее. Лениость – большой порок, и я, конечно, не хочу, чтобы кто-нибудь из моих друзей ленился или любил спать. Ты не должен сердиться за мою откровенность, Конечно, я бы не стал говорить так, если бы не был твоим другом. Но что за польза в дружбе, если не высказывать того, что думаешь. Каждый может говорить приятные и лестные вещи, и только верный друг говорит неприятное, не считаясь с тем, что это может обидеть. И если он истинный друг, то избирает этот путь, будучи уверен, что принесет этим пользу.

– Мне очень стыдно, – сказал Маленький Ганс, протирая глаза и поспешно снимая свой ночной колпак, – но я так устал вчера, и мне хотелось полежать еще немножко и послушать, как поют птицы. Знаете ли, после того как я их послушаю, мне всегда работается лучше.

– Ну, я рад этому, – сказал Мельник, хлопая Маленького Ганса по плечу, – я как раз хочу взять тебя на мельницу, чтобы ты починил крышу на моей риге.

Бедный Маленький Ганс должен был поработать в своем саду: его цветы не были политы уже два дня, но ему не хотелось отказывать Мельнику, своему лучшему другу.

– Вы думаете, я поступил бы не по-дружески, сославшись на то, что занят? – спросил он робким, смущенным голосом.

– Право, я не думаю, – отвечал Мельник, – что прошу у тебя слишком многого после того, как я обещал тебе мою тачку; но, конечно, если ты отказываешься, я пойду и сам сделаю это.

– Нет, ни в коем случае! – вскричал Маленький Ганс, вскочил с кровати, оделся и пошел чинить крышу.

Он работал там целый день до захода солнца, а вечером Мельник пришел посмотреть, как идет работа.

– Ну что? Заделал ты дыру в крыше, Ганс? – закричал Мельник веселым голосом.

– Работа совсем окончена, – отвечал мальчик, спускаясь с лестницы.

– Ах, – сказал Мельник, – нет ничего более приятного, как потрудиться для другого.

– Конечно, это наслаждение – слушать вас, – отвечал Маленький Ганс, садясь и вытирая пот со лба, – это большое наслаждение. Но я боюсь, что у меня никогда не будет таких возвышенных мыслей, как у вас.

– О, это придет, – сказал Мельник, – но ты должен об этом позаботиться. До сих пор ты знал только практику дружбы, когда-нибудь овладеешь и теорией.

– Вы в самом деле так думаете? – спросил Маленький Ганс.

– Я в этом не сомневаюсь, – отвечал Мельник. – Ну а теперь, когда ты починил крышу, тебе бы следовало пойти домой и отдохнуть; завтра ты должен будешь отвести в горы моих овец.

Бедный Маленький Ганс не смел ничего возразить на это, и на следующее утро Мельник согнал своих овец, и Ганс отправился с ними в горы. На то, чтобы дойти туда и обратно, ему понадобился целый день, а вернувшись, он был так утомлен, что уснул в своем кресле и проспал до самого рассвета.

«Как хорошо я поработаю в своем саду», – подумал он проснувшись и сейчас же принялся за дело.

Но позаботиться как следует о своих цветах ему никак не удавалось, потому что его друг Мельник то и дело заходил к нему, посылая мальчика по поручениям или требуя его помощи на мельнице.

Бедный Маленький Ганс очень горевал о своих заброшенных цветах, но утешал себя сознанием, что Мельник его лучший друг. Кроме того, он постоянно вспоминал о необыкновенном великодушии Мельника, обещавшего ему тачку.

Так и работал Ганс на Мельника, который продолжал высокопарно разглагольствовать о дружбе. Все его изречения Ганс записывал в тетрадку и перечитывал их по ночам, стараясь заучить.

Однажды вечером, сидя перед своим очагом, Маленький Ганс услышал громкий стук в дверь. Ночь была ненастной, ветер так страшно завывал вокруг, что сначала мальчик принял этот стук за шум бури. Но вот удары повторились, затем еще и еще, и наконец посыпались непрерывно.

«Верно, это какой-нибудь бедный путник», – подумал Ганс и пошел отворить дверь.

На пороге стоял Мельник с фонарем в одной руке и с длинной палкой в другой.

– Милый Маленький Ганс, – сказал он, – я в большом горе. Мой мальчик упал с лестницы и ушибся; я бегу за доктором. Но он живет так далеко, а ночь такая ненастная; и вот мне пришло в голову, что ты можешь сходить за ним вместо меня. Ты знаешь, ведь я хочу дать тебе мою тачку, и простая порядочность обязывает тебя сделать что-нибудь и для меня.

– Конечно! – воскликнул Ганс. – Я очень ценю то, что вы обращаетесь именно ко мне, и сейчас же отправлюсь в путь. Но я попрошу у вас фонарь, а то ночь такая темная, что я боюсь свалиться в какую-нибудь канаву.

– Как жаль, – отвечал Мельник, – но это мой новый фонарь, и если с ним что-то случится, это будет большим убытком для меня.

– Ну хорошо, я обойдусь и без него, – согласился Маленький Ганс и, накинув свою шубу, теплую красную шапку и повязав горло шарфом, пустился в дорогу.

Бушевала ужасная буря! Ночь была так темна, что Ганс ничего не видел перед собой, а сильный ветер чуть не сбивал его с ног. Однако он храбро шел вперед и после трех часов ходьбы добрался до дома доктора и постучался в дверь.

– Кто там? – закричал доктор, высовывая голову из окна своей спальни.

– Это я, Маленький Ганс, господин доктор.

– Что же тебе надо, Маленький Ганс?

– Сын Мельника упал с лестницы и расшибся; Мельник просит вас сейчас же прийти к нему.

– Хорошо! – сказал доктор. Затем, приказав оседлать лошадь и подать себе большие сапоги и фонарь, он вышел на улицу и поехал в направлении дома Мельника, а Маленький Ганс побрел вслед за ним. Между тем буря все усиливалась, дождь лил как из ведра, Ганс не видел, куда идет, и постепенно отставал от лошади. В конце концов он сбился с дороги, попал в глубокое болото и утонул в нем. На следующий день тело его нашли пастухи в большой яме, залитой водой, и принесли к его дому.

Все соседи пришли на похороны Маленького Ганса, которого очень любили, но больше всех горевал Мельник.

– Так как я был его лучшим другом, то мне подобает идти первым, – заявил он, идя во главе процессии в длинной черной одежде, он время от времени утирал глаза большим носовым платком.

– Всем нам будет не хватать Маленького Ганса, – сказал кузнец, когда, после окончания похорон, все провожавшие сидели в опрятной гостинице и пили вино, заедая его сладкими пирожками.

– Для меня, во всяком случае, это большая потеря, – отвечал Мельник. – Как же! Я даже обещал ему мою тачку, а теперь не знаю, что с ней делать. Дома она только место занимает, а между тем она пришла в такое состояние, что нечего и думать продать ее! Без сомнения, я никогда уже больше не вздумаю отдать что-нибудь другим. За свою доброту всегда бываешь наказан.

– Ну... – спросила Водяная Крыса после долгой паузы.

– Это конец, – сказала Коноплянка.

– А что же стало с Мельником? – снова полюбопытствовала Крыса.

– О, не знаю, – ответила Коноплянка, – да и, право, не хочу знать!

– В таком случае совершенно ясно, что вы очень черствы, – заявила Крыса.

– Боюсь, что вы не совсем поняли мораль этой истории, – заметила Коноплянка.

– Что? – пропищала Крыса.

– Мораль.

– Вы хотите сказать, что эта история имеет мораль?

– Конечно, – сказала Коноплянка.

– Право, – заметила Крыса сердитым тоном, – вы должны были предупредить меня об этом до начала рассказа. Если бы вы это сделали, я, конечно, не стала бы вас и слушать, я бы просто сказала «глупости», как говорил критик. Впрочем, я могу сказать это и теперь. – И, выкрикнув на высоких нотах «глупости!», она взмахнула хвостом и быстро исчезла в своей норе.

– А как вам нравится Водяная Крыса? – спросила Утка, плывя обратно. – У нее очень широкие взгляды, но, что касается меня, я преисполнена материнских чувств и не могу без слез смотреть на убежденную старую деву.

– Я боюсь, что не угодила ей, – отвечала Коноплянка. – Дело ведь в том, что я рассказала ей историю с моралью.

– Ах, это всегда бывает опасно! – сказала Утка.

И я с ней совершенно согласен.

Соловей и Роза

– Она сказала, что будет танцевать со мной, если я принесу ей алую розу, – воскликнул молодой Студент, – но в моем саду нет ни одной красной розы!

Соловей услышал это, сидя в своем гнезде на дереве, столетнем дубе, и с изумлением выглянул из листвы.

– Ни одной красной розы! – восклицал юноша, и его чудные глаза наполнились слезами. – Ах, от каких пустяков зависит иногда счастье! Я прочитал все, что когда-либо писали мудрецы, я постиг тайны философии, но жизнь моя может быть разбита, потому что у меня нет красной розы!

– Вот он наконец-то, настоящий влюбленный, – сказал Соловей. – Ночь за ночью пел я о нем, хотя и не знал его; от зари до зари рассказывал я его историю звездам – и вот он предо мною. Его волосы темнее, чем цвет гиацинта, а губы алеют, как роза, которую он ищет; но лицо его побледнело от страсти и стало белее слоновой кости, а горе наложило свою печать на его чело.

– Завтра принц дает бал, – шептал юный Студент, – и моя милая будет в числе гостей. Если я достану ей алую розу, она будет танцевать со мной до рассвета. В награду за этот цветок ее головка будет покоиться на моем плече, я буду держать ее в объятиях, и рука моя будет сжимать ее руку. Но у меня в саду нет красных роз, и на этом вечере я останусь один: она пройдет мимо, не удостоит меня взглядом, и сердце мое разорвется от горя.

– Да, это настоящий влюбленный, – сказал Соловей, – то, о чем я пою, он переживает; то, что для меня радость, для него – печаль. Да, любовь – непостижимое чувство. Она дороже изумрудов и благороднее опалов. Ее не купить за жемчуга и за гранаты; она не выставляется в витринах, не продается в магазинах и не может быть оценена за деньги.

– Оркестр будет греметь на хорах, – продолжал горевать Студент, – а моя милая будет танцевать под звуки арф и скрипок. Она танцует так легко, едва касаясь

пола; придворные в пышных нарядах будут толпиться вокруг нее. А со мной она танцевать не будет, так как я не могу достать для нее красную розу! – и, бросившись на траву, он закрыл лицо руками и заплакал.

– О чем он плачет? – спросила пробежавшая мимо маленькая Ящерица, помахивая хвостиком.

– О чем, в самом деле? – поинтересовалась Бабочка, порхавшая в солнечных лучах.

– О чем? – прошептала своему соседу Маргаритка тихим, нежным голосом.

– Он плачет о красной розе, – сказал Соловей.

– О красной розе! – вскричали все хором. – Как это смешно! – И маленькая Ящерица без стеснения засмеялась.

Но Соловей, понимавший горе Студента, молча сидел на дубе, размышляя о тайне любви.

Вдруг он расправил свои коричневые крылышки и взвился в воздух. словно тень, промелькнул он в листве и бесшумно полетел через сад.

Посреди зеленой лужайки рос пышный Розовый Куст; Соловей направился к нему и опустился на одну из его ветвей.

– Дай мне красную розу, – попросил он, – и я спою тебе мою нежную песню!

Но Куст покачал головой.

– Мои розы белее снега на горных вершинах, – отвечал Куст, – они белы, как пена морская. Иди к моему брату, что растет возле солнечных часов, может быть, он исполнит твою просьбу.

И Соловей полетел к кусту у солнечных часов.

– Дай мне красную розу, и я спою тебе мою звонкую песню, – обратился он к нему.

Но Куст отвечал, качая головой:

– Мои розы желтее цветов златоцвета, украшающих поле, пока их не срежет коса, они желты, как волосы морской девы, что сидит на янтарном троне в глубине океана. Но лети к моему брату под окном Студента: он, может быть, даст тебе то, о чем ты просишь.

И Соловей полетел дальше, к Розовому Кусту под окном Студента.

– Дай мне красную розу, и я спою тебе свою самую нежную песню!

Но и этот Куст покачал головой.

– Мои розы краснее кораллов, колеблющих свои веера в глубинах морских; они красны, как нежные лапки голубки. Но зима сковала мою кровь, мороз убил мои бутоны, буря поломала ветви, и мне не суждено цвести в этом году.

– Одну красную розу – это все, что я хочу, – молил Соловей, – только одну розу! Неужели невозможно ее раздобыть?

– Есть один способ, – отвечал Розовый Куст, – но он так ужасен, что я не осмеливаюсь сказать тебе.

– Говори, – настаивал Соловей, – я не испугаюсь.

– Если хочешь добыть красную розу, ты должен создать ее из звуков музыки при лунном сиянии и окрасить ее кровью твоего собственного сердца. Пронзив грудь моим шипом, ты должен петь мне всю ночь до зари, пока шип не проколет твое сердце и твоя кровь, перелившись в меня, не воскресит во мне жизнь.

– Смерть за красную розу – очень дорогая цена! – вскричал Соловей. – Каждый дорожит своей жизнью. Так привольно жить в зеленом лесу и любоваться солнцем в его золотой колеснице и луной в жемчужном уборе. Сладко упиваться ароматом боярышника... А как красивы колокольчики, прячущиеся в долинах, и

вереск, цветущий на холмах. Но любовь краше жизни, и что стоит сердце птицы в сравнении с сердцем человека?

Расправив свои коричневые крылышки, Соловей поднялся в воздух. Слово тень, промчался он по саду и тихо опустился в листву.

Студент все еще лежал в траве, на том же месте, и слезы еще стояли в его прекрасных глазах.

– Не печалься, – закричал ему Соловей, – ободрись, у тебя будет красная роза! Я создам ее из музыки при лунном сиянии и окрашу ее кровью моего собственного сердца. В награду я прошу только обещания верно любить. Любовь глубже самой глубокой мудрости и сильнее самого несокрушимого могущества. На огненных крыльях летит она и зажигает сердца. Уста ее сладки, как мед, и дыхание ее благоухает, как мирра.

Студент, прислушиваясь, приподнялся в траве; но язык птички был ему непонятен: ведь он знал только то, что написано в книгах.

Зато понял старый Дуб и опечалился: он был очень привязан к птичке, свившей гнездо в его ветвях.

– Спой же мне свою последнюю песню, – прошептал он, – мне будет так одиноко без тебя!

И Соловей запел для старого Дуба, и голос его был подобен журчанию воды, падающей в серебряную урну. Когда он смолк, Студент встал и вынул из кармана записную книжку и карандаш.

– Бесспорно, он мастер формы, – сказал он сам себе, идя домой. – Этого у него не отнять; но есть ли в нем чувство? Думаю, что нет. Да, он похож на большинство артистических натур. Он олицетворяет изящество, но без внутреннего тепла. Он бы не пожертвовал собой для других. Он думает лишь о музыке, а искусство – эгоистично, это всем известно. Все же надо сознаться, что его трели прекрасны. Как жаль, что в них нет смысла и они лишены практического значения.

И он вошел в свою комнату, бросился на кровать и стал думать о своей возлюбленной; но вскоре заснул. А когда луна озарила небосклон, Соловей полетел к Розовому Кусту и прижался грудью к его шипу. Так пел он всю ночь, а хрустально-холодная луна слушала его. Всю ночь, пока он пел, острый шип все глубже вонзался ему в грудь, постепенно высасывая живительную кровь.

Сначала он пел о нежной привязанности мальчика и девочки. И на верхнем сучке деревца расцветала чудная роза, лепесток разворачивался за лепестком, по мере того как одна песня сменяла другую. Вначале роза была бледна, как туман, что стелется над рекой, как утренняя заря, и серебрилась, словно крылья рассвета. Как розовая тень на серебряном стекле зеркала, как розовый отблеск на поверхности воды – так нежна была роза, что расцветала на верхней ветке Куста.

Но вот Куст заставил Соловья крепче прижаться к шипу.

– Прижмись крепче, маленькая птичка, – кричал он, – иначе день наступит раньше, чем роза успеет расцвести.

И Соловей сильнее прильнул к шипу грудью, а песнь становилась все звонче и нежнее, воспевая любовь юноши и девушки.

И едва заметный румянец разлился по лепесткам розы, как лицо жениха, целующего свою невесту. Но шип еще не проник в сердце Соловья, и роза еще не ожила – только кровь соловьиного сердца вызывает к жизни сердце розы.

И Куст снова потребовал, чтобы Соловей еще сильнее прильнул к нему.

– Прижмись сильнее, Соловушка, – кричал он, – или роза до утра не успеет расцвести!

Соловей придвинулся ближе, шип вонзился ему в сердце, и дикая боль зажглась в нем. Острее и острее становилась мука, и все страстнее лилась песня, рассказывая о любви, освященной смертью, о той любви, которая не умирает в могиле.

И стала роза алой, подобно утренней заре на востоке. Пурпуром зарделись ее лепестки и, как рубин, покраснело ее сердце.

Но голос Соловья вдруг ослаб, крылья затрепетали, и глаза подернулись пеленой. Слабее звучала теперь песня, и что-то клокотало у него в груди.

Наконец прозвучала последняя трель. Бледная луна услышала ее и, позабыв о рассвете, застыла на небе. Красная роза задрожала в экстазе и развернула свои лепестки навстречу холодному утреннему ветру. Эхо унесло этот звук к своим багряным пещерам в холмах и пробудило спавших пастухов. Он отозвался в прибрежных тростниках, наперегонки понесших его к морю.

– Смотри, смотри, – вскричал Куст, – роза расцвела!

Но Соловей не ответил, он лежал в высокой траве мертвый, с сердцем, пронзенным шипом.

В полдень Студент, отворив окно, выглянул в сад.

– Какое счастье! Вот она, алая роза! Я никогда в жизни не видал ничего подобного. Она дивно хороша, я уверен, что у нее длинное латинское название! – И, протянувшись, он сорвал ее.

Схватив шляпу, он побежал к дому профессора, держа цветок в руке.

Дочь профессора сидела у порога, разматывая клубок голубого шелка, а ее маленькая собачка спала у ее ног.

– Вы обещали танцевать со мной, если я достану вам красную розу! – закричал Студент. – Вот самая красная из роз на свете. Вы приколете ее сегодня вечером к вашей груди, и во время танцев она расскажет вам, как я люблю вас!

Но девушка нахмурилась и сказала:

– Я боюсь, что она не подойдет к моему платью; и, кроме того, племянник Чемберлена прислал мне настоящие драгоценности, а всякий знает, что они стоят гораздо дороже цветов.

– Как вы неблагодарны! – воскликнул сердито Студент и бросил розу на улицу; она упала на мостовую, а проезжавший мимо экипаж смял ее своим колесом.

– Неблагодарна? – вскричала девушка. – А я скажу вам, что вы очень дерзки. Да кто вы такой, всего-навсего простой студент. Я думаю, что у вас даже нет серебряных пряжек на башмаках, как у племянника Чемберлена! – И, встав со стула, она ушла в дом.

– Какая глупость – эта любовь! – сказал Студент уходя. – Она и вполтину не так полезна, как логика, потому что ничего не доказывает, вызывает несбыточные надежды и заставляет верить в то, что не заслуживает доверия. Она очень непрактична, а в наш век быть практичным – это всё. Лучше я снова примусь за философию и метафизику.

И, вернувшись в свою комнату, он достал большую пыльную книгу и стал ее читать.

Дух Кэнтервилля

I

Мистер Хирам Отис, американский посол, покупал Кэнтервилльский замок. Все считали, что он делает очевидную глупость: в замке, без сомнения, есть привидение.

Сам лорд Кэнтервилль, человек честный до щепетильности, счел себя не в праве скрыть от мистера Отиса это обстоятельство перед окончанием сделки.

– Мы сами не живем в этом замке, – сказал лорд Кэнтервилль, – с тех пор как с двоюродной моей бабушкой, вдовствующей герцогиней Болтон, внезапно сделались судороги, от которых она никогда не смогла оправиться: одеваясь,

она увидела, что какой-то скелет кладет ей на плечи свои руки. Должен предупредить вас, мистер Отис, что дух и теперь еще является членам семьи Кэнтервилль. Его видел и преподобный Август Дампир, пастор нашей общины, магистр Королевского колледжа в Кембридже. После несчастья с герцогиней от нас ушла вся прислуга, а леди Кэнтервилль часто не могла ночью уснуть от разных шорохов, доносившихся из коридора и библиотеки.

– Милорд, – ответил посол, – я покупаю у вас весь дом с обстановкой и духа беру в придачу; в моей передовой стране есть все, что можно купить за деньги, и, глядя на нашу бойкую молодежь, которая оставляет вас без лучших оперных примадонн и актрис, я скажу вам вот что: если бы в Европе действительно оказалось нечто вроде привидения, оно бы давным-давно было по ту сторону океана, в каком-нибудь музее или в разъездном паноптикуме.

– Боюсь, что привидение все же существует, – сказал лорд Кэнтервилль с улыбкой, – даже если оно и отклоняло до сих пор предложения ваших импресарио: вот уже триста лет – с 1584 года, если быть точным, – о нем знают все: оно появляется каждый раз незадолго до смерти кого-нибудь из членов нашей семьи.

– Обычно в таких случаях приходит домашний врач, милорд. Нет, привидений не бывает, и, смею думать, что законы природы нельзя отменить даже в интересах британской аристократии.

– В Америке просвещенный взгляд на вещи, – ответил лорд Кэнтервилль, не совсем, видимо, поняв последнее замечание мистера Отиса. – И если привидение вас не стесняет, то дело улажено. Но не забудьте – я вас предупредил.

Через несколько недель покупка состоялась, и по окончании сезона посол с семьей переехал в замок Кэнтервиллей. Когда миссис Отис звалась еще мисс Лукрецией Р. Таппан (Нью-Йорк, 53-я Западная улица), она славилась своей красотой; теперь это была все еще очень привлекательная дама средних лет с прекрасными глазами и безупречным профилем. Многие американки, покинув родину, начинают со временем изображать хронически больных, принимая это за признак европейской утонченности, но миссис Отис не сделала этой ошибки: она обладала прекрасным телосложением и выдающейся предприимчивостью. Она была, таким образом, во многих отношениях настоящей англичанкой и недурным примером того, что теперь у нас с Америкой нет разницы ни в чем, кроме, конечно, языка. Старший сын ее, которого родители в приливе

патриотизма называли Вашингтоном, – о чем он всю свою жизнь сожалел, – был красивым молодым блондином, без сомнения будущим дипломатом, так как в течение трех зим дирижировал кадрилию в казино Ньюпорта и даже в Лондоне слыл превосходным танцором. У него было всего две слабости: гардении и Готский альманах[2 - Альманах с перечнем аристократических фамилий.]; в остальном же он был необычайно рассудителен. Мисс Виргиния Отис была пятнадцатилетней девочкой, миловидной и грациозной, как молодая серна, с чудными ясными голубыми глазами. Замечательная наездница, она как-то устроила скачку со старым лордом Бильтоном вокруг Гайд-парка и обошла его на полтора корпуса перед самой статуей Ахиллеса; этим она так восхитила юного герцога Чеширского, что в ту же минуту он сделал ей предложение и вечером того же дня, весь в слезах, был отправлен в свою школу в Итоне. Потом шли близнецы – два прелестных мальчика, единственные, за исключением, конечно, главы дома, республиканцы в семье.

Восемь миль отделяют замок Кэнтервилль от ближайшей железнодорожной станции в Аскоте, и мистер Отис заблаговременно вызвал за семьей экипаж. Ехать было весело. Воздух в этот чудный июльский вечер был напоен запахом сосен. То тише, то громче доносился издалека нежный голос лесной горлинки, и пестрый фазан, пробираясь в зарослях папоротника, показывался иногда у самой дороги. Любопытные белки смотрели с высоких деревьев на проезжавших американцев, а дикие кролики стремительно неслись через низкую поросль по мшистым кочкам, высоко задрав белые хвостики. Но как только экипаж въехал в парк Кэнтервилльского замка, небо вдруг заволочло темными облаками; стало вдруг тихо: стая галок молча пролетела над их головами. Они не доехали еще до дому, как стали падать тяжелые капли дождя.

На крыльце их встретила старая женщина, в черном шелковом платье, белом чепце и переднике. Это была миссис Эмни, экономка замка. Леди Кэнтервилль настоятельно просила миссис Отис оставить миссис Эмни в прежней должности. Она перед каждым низко присела и по старинному странному обычаю проговорила: «Добро пожаловать в замок Кэнтервилль».

Они прошли в дом и через прекрасную старинную залу времен Тюдоров попали в библиотеку, длинную низкую комнату с обшивкой из черного дерева и большим витражным окном. Здесь был подан чай; хозяйева, сняв пальто, уселись и стали осматриваться; миссис Эмни разливала чай.

Вдруг миссис Отис заметила большое красное пятно на полу, как раз перед камином, и сказала миссис Эмни:

– Смотрите, здесь что-то пролили.

– Да, сударыня, – ответила старая экономка шепотом, – на этом месте пролилась кровь.

– Какой ужас! – воскликнула миссис Отис. – Я не желаю, чтобы в комнатах были пятна крови. Велите его смыть сейчас же.

Старушка улыбнулась и ответила тем же тихим, загадочным голосом:

– Это кровь леди Элеоноры Кэнтервилль, которую на этом самом месте убил сэр Симон де Кэнтервилль, ее супруг, в 1575 году. Сэр Симон жил потом еще девять лет и вдруг исчез при очень загадочных обстоятельствах. Тела так и не нашли, но грешный дух его и теперь еще бродит по замку. Это несмываемое пятно поражает всех туристов, его нельзя уничтожить.

– Что за глупости! – воскликнул Вашингтон Отис. – Универсальное средство Пинкертона выведет его в одну минуту. – И не успела испуганная экономка удержать юношу, как он уже стоял на коленях и тер пятно на полу чем-то вроде фабры для усов. Пятно исчезло.

– О, я был уверен в «Пинкертоне»! – с торжеством вскричал он, обернувшись к родным. Но едва он произнес это, темную комнату резко осветила яркая вспышка молнии, и оглушительный удар грома заставил всех вскочить со своих мест. Миссис Эмни упала в обморок.

– Какой отвратительный климат, – спокойно сказал американский посол, зажигая новую сигару. – Эта допотопная страна так густо населена, что на всех не хватает даже приличной погоды. Эмигрировать – это все, что остается англичанам.

– Друг мой Хирам, – произнесла миссис Отис, – что нам делать с женщиной, которая страдает обмороками?

– Вычти из ее жалованья, как за битье посуды, и это не повторится, – сказал посол.

И действительно, миссис Эмни вскоре пришла в себя. Но, несомненно, она была очень взволнована и предупредила миссис Отис, что ее дому грозит беда.

– Сударь, – сказала она, – я своими глазами видела такие вещи, что у всякого доброго христианина волосы стали бы дыбом; Господи, были ночи, когда я глаз не смыкала, такие ужасы здесь происходили.

Но хозяин и хозяйка успокоили женщину, объяснив, что не боятся привидений, и старая экономка, призвав благословение небес на своих новых господ и попросив прибавки жалованья, вся дрожа, ушла в свою комнату.

II

Буря пробушевала всю ночь, но больше не случилось ничего особенного. Однако утром, когда семья сошла вниз к завтраку, страшное пятно оказалось на том же месте.

– Не думаю, чтобы в этом было виновато мое средство, – сказал Вашингтон, – его я всегда применял с успехом, следовательно, это дело рук привидения.

Он опять стер пятно, но назавтра оно появилось снова; то же случилось и послезавтра, хотя мистер Отис вечером собственноручно запер библиотеку, а ключ спрятал в карман. Все семейство было заинтриговано, мистер Отис стал подумывать, не слишком ли скептически он относился к привидениям, и выразил желание сделаться членом психологического общества, а Вашингтон написал длинное письмо господам Мейр и Подмор о неустранимости кровавых пятен в случае их связи с преступлением. В наступившую затем ночь всякое сомнение в существовании привидений было навсегда отброшено.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Беззаботности (франц.).

2

Альманах с перечнем аристократических фамилий.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/oskar-uayld/skazki>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)